

В архиве моего отца — Николая Прокопьевича хранится дорогой для нашей семьи документ: последнее письмо его младшего брата Героя Советского Союза Александра Мелентьева, с большой привязанностью относившегося к родным и близким, к своей малой родине — деревеньке Малое Соколово, что под Котласом.

О содержании письма — речь ниже. А пока перелистаем несколько страниц семейной хроники. Это воспоминания о молодости, опальной войной, о дяде Саше, который очень любил светловскую «Гренаду», мечтал стать похожим на ее героя... И стал им.

З А ОКНАМИ выюжило. Февральский ветер вел и вел протяжную песню. А в нашей котласской квартире над длинным, как мы его называли, гостевым столом — тихий свет «трехлинейки». Черная тарелка радио роняет, как горячие капли, слова: «Гренада, Гренада, Гренада моя...» Саша склонился над большим листом бумаги. Рядугой горят краски стеной газеты: мужественное лицо красноармейца, в твердо сжатой руке ствол винтовки, а на красном знамени — земной шар с его морями, океанами и континентами... Это там, в далекой Гренаде, в далекой Испании, полыхает огнем небо, дымится от взрывов земля, гибнут люди. Засыпая, Саша слышит, как некто злится пурга, постукивает вышкой в печной трубе.

А воскресное утро выдалось голубым, ярким. Серебром играли наметенные ночью суробы. В такую погоду путь, а если он еще и домой, легок и приятен. Наст ворчливо разговаривал под лыжами. Взмах палки — рывок, еще взмах. Проплыло мимо Кажифольное, протянулась вдоль дороги Кружиге, промелькнул Борок с теми же задумчивыми сонсами. И вот вдали уже зазолотилась куполом церковка Малого Соколова.

Перед домом растегнул ремни лыж, обмел голком валенки, шагнул на крыльцо. Скрипнули ступеньки. Рассмеялся: вспомнил не раз слышанный рассказ матери о ковачском рьяном человеке, однажды наприсящавшемся переночевать. Утром незнакомец попросил в дорогу котелок, а за это починил две ступеньки. Прошли годы. И как-то старший сын Николай, работавший в Котласе, приехал на побывку и повесил в летней половине избу портрет. Мать ахнула: Сталин! Только рьянок на лице вождя не было заметно.

Саша поставил лыжи в угол сеней, открыл дверь. В избе пахло свежим хлебом, парным молоком. На столе кидила паром картошка, на доске — покрытые холодным полотенцем только что с противня шныги... Как всегда, скинул валенки; Саша забрался на печь, сунил ноги в жито. А мать уже протрягивает парное молоко, домот теплого артышка. Спрашивает: — Ну, рассказывай, как с учебой?

С учебой у него всегда было в порядке. Быстро схватывал, запоминал. Бывало, спорбится над книгой, наморщит лоб — не оторвешь. Прибегая на лыжах в Соколово, часами рассказывал матери о школе, потом — о Лимендском речном училище, о прочитанных книгах, о друзьях. А тут притих. Мать насторожилась: «Что примолк?»

— Мама, наши ребята идут учиться в военное училище. И я тоже. Думаю, примут, — сказал твердо, как уже о решенном.

...Его приняли. Осенью 1937 года он был зачислен в Ленинградское пехотное училище имени Кирова. Стремительно полетели дни и месяцы учебы. В одном из писем домой Александр писал: «Я рад, что поступил в военное училище. Думаю, что не ошибся в выборе пути, мой дороге. Учеба мне нравится, много занимаюсь. Время идет быстро, летом приеду в отпуск».

Но приезд домой не состоялся. Начался поход Красной Армии в Западную Белоруссию, и в нем курсант Мелентьев принял боевое крещение. Затем — война с финками. В марте 1940 года за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество лейтенант Александр Мелентьев был награжден медалью «За боевые заслуги».

Хранится в нашем семейном альбоме фотография тех далеких лет: Александр с двумя кубиками лейтенанта на петлицах, с первой боевой наградой на груди. А рядом с ним, склонив голову к его плечу, в скромном берете — девушка. Глаза у обоих молодые, счастливые. В боях на Карельском перешейке довелось им найти друг друга. И называл он ее обычно с ласковой шуткой: «моя медсестра, моя ленинградка Елизавета Александровна».

Да, Александр и впрямую, как он писал в письмах, не ошибся в выборе пути. Вскоре 20-летний лейтенант был назначен помощником начальника штаба одного из стрелковых полков Ленинградского военного округа. Шел год сорок первый. Весна выдалась солнечной, теплой. Даже дни цветения черемухи, обычно с выпавшими похолоданиями, стояли ясными. В те памятные июньские воскресенья мы отдыхали на лесной речке Котлашжанке. И не знали, не ведали, что началась война. Последующие дни в памяти моей сохранились калейдоскопом лиц и разговоров...

На станции нашей, обычно неспешной, завертелась круговерть: теллушки, теллушки, товарные поезда. Черноволосая женщина смотрит, не отрываясь, в лицо сыну. Дед в желтой поддевке строжит парня: — Смотри, не подкачай! А внук орлом смотрит: — Не беспокойся, дед, мы им покажем... Мальчишки окружили рослого розовощекого парня. Лыжа вьется между ними. Наконец ей удается пробиться к хозяину, и она прижимается к сапогам парня. А тот смущенно треплет ее по загрятку.

Лягнули буфера. Ринулись к вагонам те, кто ехал в

Москва 25 апреля 1945 г.
Здравствуй, дорогой брат Николай!
Сегодня получил твое письмо, а сегодня же получил твое письмо, а сегодня же получил твое письмо...
ЗА ГОСТЕВЫМ СТОЛОМ

неведомое. И над станцией, над топями железнодорожного сада поднялся женский плач.

Поезд уходил. И навстречу уходящему составу неслись тревожные багрово-синие разорванные облака...

А из Ленинграда к нам спешила телеграмма: «Родилась дочь, назвали Алей. Саша ушел на фронт, Лиза». Он ушел на войну в день рождения дочери, так и не успев повидать ее.

ДОРОГИ ВОЙНЫ! Оборона, отступление, окружение — все было. Но наступил и наш час. В период коренного перелома в ходе боевых действий Александр Мелентьев был назначен командиром удержного полка. После Сталинграда и Курской дуги события развивались стремительно: советские войска наступили на юге страны, форсировали Днепр, освободили Западную Украину. В августе 1944 года началась крупнейшая по своему стратегическому значению Ясско-Кишиневская операция. В гуще самых ожесточенных сражений был полк Мелентьева.

Успех сопутствовал молодому комполку и в боевых действиях на территории Румынии. Его часть заслужила благодарность, в самом ему командующий фронтом Р. Малиновский вручил именные часы.

Далее путь лежал в Венгрию. К ее границе шли форсированным маршем. А затем снова бои — не менее ожесточенные, чем под Кишиневом и Яссами. К 7 ноября 1944 года полк освободил более двадцати венгерских населенных пунктов, а в праздничную ночь первым форсировал реку Тисса, свалед важнейшими опорными пунктами противника и открыл путь другим нашим частям. Газета 53-й армии «Родина зовет» писала 17 ноября: «Слева тем, кто беззаветно и храбро сражается с лютым врагом! Слава советским штурмовикам — гвардейцам офицера Мелентьева».

О том, как воевал Александр, мы узнавали из коротких его писем — треугольников. Жена дяди Саши — Лиза, с дочерью и матерью Любовью Васильевной, переехавшие из блокадного Ленинграда в Котлас, делились с нами каждой восточкой. В одном из писем были такие слова: «Война еще война. Сама знаешь, Лиза, по финской. А эта куда трети. Скоро придет Победа. Я верю, что наша доля, все дети больше не будут знать войны».

И она пришла. Ранним майским утром дробно забарабанили по переплету окна, срывающийся от неумеренной радости голос крикнул: «Победа!» Захлопали створки окон, жалитки. Люди высыпали на улицу. Смялись, целовались, плакали. Отчаянно вскринула гармошка...

В те победные дни снова на станции нашей была круговерть. Из теплушек солдаты — будь то родной, знакомый, незнакомый — сразу попадали в объятия встречающих. Радость, слезы, песни — все смешалось.

Встретили и мы отца. Выпрыгнул на перрон, крикнул что-то неразборчиво и, вскликнув, обнял. И в этой захлестнувшей нас радости все исчезло — вокальный шум, толкотня. В душе и до сих пор живут отцовский всхлип да звон жестяной кружки, сорвавшейся с солдатского ремня...

Дома, когда собралась всей семьей за нашим гостевым столом, отец достал из плащета треугольный письма, полученного им в госпитале в городе Дзуджикю (Орджоникидзе). Читал медленно, словно вдумываясь в каждое слово:

«Москва, 25 апреля 1945 года. Здравствуй, дорогой брат Николай! Сегодня получил твое письмо, а несколько раньше телеграмму и слышу ответить. Искренне благодарю за поздравление в связи с присвоением мне звания Героя Советского Союза, 14 апреля я был в Кремле, и Шверини вручила мне орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». Вы уже, наверное, знаете, что после долгих ситаний по фронтам в декабре 1944 года я приехал в Москву для учебы в академии имени Фрунзе, где сейчас и учусь на литературном курсе. Последние два года командовал гвардейским полком, с которым прошел от Воронежа до Будапешта. Звание Героя получил за операцию в Венгрии в ноябре 1944 года. Учеба идет хорошо, большинство оценок получаю «отлично». Но здоровье очень слабое, сильно отразились ранения (особенно в голову и грудь), а при той напряженности, с какой мы сейчас занимаемся, нужно иметь сильный организм и хорошие нервы. Поэтому я отказался от основного трехгодичного курса и поступил на литературный. В начале марта ездил в Ленинград и семья и остался очень доволен, особенно поразила меня дочь, которая родилась и выросла без меня. Хотел на май снова поехать, но не отпускают в связи с парадом (и вхожу в парадный расчет). Думаю, что после окончания дадут продолжительный отпуск, тогда сумею побывать и в Ленинграде, и на родине. С приветом. Ваш брат Александр».

Нет, так и не удалось Александру побывать ни в Ленинграде, ни на родине. В один из июньских дней на имя отца пришел серый официальный пакет. В нем сообщалось, что Герой Советского Союза гвардии подполковник Мелентьев Александр Прокопьевич 4 июня 1945 года погиб при автомобильной катастрофе и похоронен с воинскими почестями на Новодевичьем кладбище. Известие о безвременной гибели командира нестигло его гвардейский полк на марше. Он направлялся на восток, где еще полыхал один из очагов второй мировой войны.

Котлашане не забыли своего земляка. Тринадцать лет назад, в День Победы, наш отец сиял покрыв с мемориальной доски на доме № 16 по бывшей Коммунальной улице. Золотом блеснули слова: «Улица Александра Мелентьева».

И еще один день запомнился — морозное декабрьское утро 1984 года. Давно Пачеозеры не выдавало такого многолюдия: на открытие памятного воинско-землякам соборались из окрестных деревень и Котласа свыше трехсот человек. В сооружение обелиска внесли свой вклад Котласский завод железобетонных изделий, Сольвычегодский ремонтно-механический завод, Сольвычегодский ПМК-11, цех Тулузьеве Лимендского судостроительно-судоремонтного завода, совхоз «Песчанский». Пачеозерцы чтут память о защитниках Родины, гордятся, что на их земле выросли герои Советского Союза: Зосима Иванович Вяткин, Иван Павлович Деметьев, Александр Прокопьевич Мелентьев.

Имена Героев Советского Союза Александра Меркушева и Александра Мелентьева носят котласская школа, что стоит на берегу Двины. В вестнике ее, у памятной доски с портретом Героев в торжественные дни стоят в каравле мальчишки и девочки. И очень хочется верить, что они будут столь же крепко и беззаветно любить свою Родину, как любили их деды и прадеды.

И будут тоже собираться за своим «гостевым» столом, чтобы прикоснуться к семейным реликвиям, вспомнить о тех, кого уже нет.

Г. МЕЛЕНТЬЕВА.

На снимке: Александр и Елизавета Мелентьевы (снимок 1940-г.).